

УДК 321.01

ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА ЮРИДИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

Р.Ф. Гарипов, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия)

Аннотация: Происходящие серьезные преобразования в современной политической системе предопределяют усложнение субъективных условий ответственности. Это вызывает необходимость исследования общих и специфических свойств субъектов правовых и политических отношений в призме их способности к несению ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, политическая ответственность, субъект права, акторы публичной политики, деликтоспособность.

Социальная ответственность в современности постепенно утрачивает свою инвариантность в связи с увеличением числа субъектов, на которых она распространяется. Наиболее ярко данная тенденция проявляется в юридической и политической ответственности. Прежде всего, это связано с расширением сфер общественной жизни, ослаблением границ правового и политического вмешательства в различные социальные связи, усложнением механизма их регулирования. В результате представления об ответственности как особом типе отношений актуализируются качественно новым форматом, в котором центральное место занимают не ответные негативные последствия на нарушение, а субъективные условия их наступления.

Понимание ответственности в качестве отношения, которое возникает в результате нарушения социальных норм, развивалось на протяжении XX века неравномерно. Первоначально исследователи отмечали процессуальную сторону вопроса, стремились придать юридической ответственности исключительно формальный характер [1, с. 163; 2, с. 159]. В противовес такому подходу политическая ответственность долгое время рассматривалась вне определенных рамок, т.е. носила ситуативный характер, индивидуализируясь к каждому конкретному субъекту [3, с. 22, 97].

Впоследствии, по мере усложнения законодательства и развития юридической практики, условия наступления ответственности в отдельных видах правоотношений стали зависеть от ряда фактических обстоятельств, большинство из которых имели субъективную основу [4, с. 237; 5]. Ученые пришли к выводу, что соблюдение лишь формально-юридических требований в процессе привлечения виновного лица к определенному виду ответственности недостаточно, если отсутствует реальная возможность применения к нему мер негативного характера [6, с. 172; 7]. Исходя из этого, субъективные критерии юридической ответственности стали приобретать схожие черты с аналогичными условиями политической ответственности. Напротив, использование мер политической ответственности постепенно сводилось к формализации данного процесса с целью исключения злоупотреблений, приводящих к давлению на участника политических отношений [8].

Таким образом, в современном виде юридическая и политическая ответственность максимально приближены друг к другу в части субъективных признаков, что позволяет проанализировать их в теоретическом ключе и выявить общие положения. Вместе с тем, очевидно, что в смысловом плане субъекты правоотношений не совпадают с участниками политических процессов в силу целого спектра обстоятельств. Поэтому представляется целесообразным провести их сравнительную характеристику и с учетом последних тенденций определить особенности.

Субъект юридической ответственности в литературе воспринимается в трех основных смыслах:

1) общеправовом, как участник правоотношения,

возникающего по поводу совершенного правонарушения, в результате которого один субъект обязан претерпеть неблагоприятные последствия своего поведения, а другой – реализовать их в отношении нарушителя [9];

2) отраслевом, как субъект права, потенциально наделенный со стороны закона обязанностью претерпеть определенные меры ответственности за нарушение порядка в отдельном виде отношений [10];

3) специальном, как лицо, претерпевающее меры ответственности в силу юридических и фактических условий [11].

Указанные подходы, на мой взгляд, в полной мере применимы к субъектам политической ответственности. В частности, в общем представлении любой участник политических отношений наделен изначально риском наступления неблагоприятных последствий в результате нарушения им политических норм. Одновременно с этим, по причине отсутствия единого формального признака мер политической ответственности, её наступление полностью зависит от лица, противопоставленного нарушителю. Как правило, данная фигура должна обладать совокупностью свойств, позволяющих ей при помощи властных ресурсов воплотить санкции политического характера. Вместе с тем, в рамках юридической ответственности также за частую прослеживается признак власти, необходимый для реализации предусмотренных законом неблагоприятных мер к правонарушителю.

Использование политической ответственности как инструмента поддержания порядка в определенном виде отношений можно рассматривать как постулат существования особой категории субъективных обязанностей. В свою очередь, они гармонично сочетаются с механизмом политического регулирования. Особенностью такого восприятия является возможность определения субъекта ответственности заранее, на формальном уровне, что позволяет говорить о типологизации участников политических отношений.

Совокупность признаков, образующих свойство субъекта права к самостоятельному несению юридической ответственности, вкладывается в понятие деликтоспособности как элемента правосубъектности. Однако в политической науке вопросы субъективных способностей к участию в тех или иных отношениях исследованы слабо и в большей степени завязаны на институциональной основе. В то же время именно подобным образом развивались ранние правовые учения о субъектах юридической ответственности.

Любая институциональная модель отношений, в том числе в области политической ответственности, зависит от фактического состояния рассматриваемого явления и его оценки со стороны научного сообщества, при этом элементы данных отношений должны иметь статичный характер. Затрагивая случаи возникновения политической ответственности в современности, можно с уверенностью утверждать, что процесс по формированию представлений об её субъективных условиях продолжается. С этой позиции целесообразно

рассматривать субъектов ответственности в специальном порядке, выделяя отдельные направления политической деятельности с определенным набором участников и условий развития отношений между ними.

Например, наиболее статичной в данном смысле выступает ответственность в государственной политике, когда субъективная способность, как правило, определена изначально. При этом на протяжении всего процесса формирования и осуществления определенного политического направления его участники могут быть подвержены различным мерам негативного характера, в том числе закрепленным в нормах права. В силу данной особенности первостепенная роль в установлении оснований и субъективных условий политической ответственности отводится формам государственной политики, в качестве которых могут выступать как нормативные правовые акты, так и акты ненормативного характера (стратегические и программные документы).

По моему мнению, в случае использования нормативного варианта следует вести речь о субъектах юридической ответственности. В частности, как инструмент правового регулирования необходимо рассматривать закрепление в законе возможных негативных последствий за нарушение порядка осуществления политической деятельности либо наиболее часто встречающаяся в отечественном законодательстве отсылка к иным нормативным актам по вопросам применения ответственности, несмотря на политический оттенок самих отношений, охраняемых подобным образом со стороны государства.

Напротив, отсутствие формальной закреплённости мер ответственности в ненормативных актах с возможностью их фактического использования в регулируемых отношениях следует рассматривать в качестве проявления политической ответственности [12]. Примечательно, что в таких случаях субъекты могут быть определены изначально в силу их вовлеченности в политические процессы [13].

Однако государственная политика далеко не всегда позволяет исчерпывающим образом установить весь круг участников, фактически задействованных в соответствующие отношения. Необходимо отметить, что, в отличие от критериев наступления юридической ответственности, в политической сфере допускается аналогия норм и условий к субъектам разного уровня. Исходя из этого, следует констатировать, что к юридической ответственности можно привлечь только лицо, чья способность к участию в данном рода правоотношениях изначально закреплена в законодательном порядке. Политическая ответственность может наступать как у субъекта, формального определенного участниками отношений (как правило, государством), так и у лица, фактически участвующего в политической системе.

Таким образом, определяющим фактором в установлении субъектов юридической ответственности является наличие деликтоспособности, которая, в свою очередь имеет строго правовую форму. Применительно к субъектам политической ответственности такую категорию выделить довольно сложно, поскольку политические нормы зачастую не содержат четких критериев субъектного состава регламентируемых ими отношений.

Вместе с тем, отсутствие формального закрепления способности субъектов к несению политической ответственности не означает, что её нельзя определить по другим критериям. К числу таковых, в частности, следует отнести способность субъекта к реальному участию в политическом процессе, способность к обладанию властью, наличию определенного имущественного и политического статуса для исполнения мер негативного характера. В связи с этим необходимо отметить, что в рамках деликтоспособности одного лишь законодательного признания субъективного свойства к

несению юридической ответственности недостаточно для решения вопроса о реализации возможных негативных мер. По данной причине деликтоспособность следует рассматривать в совокупности формальных и фактических возможностей субъекта, непосредственно определяющих его статус в отношениях, на охрану которых направлены те или иные виды ответственности.

Выдвижение на первый план вопроса о реализуемости мер политической ответственности, по моему мнению, оправдывает её назначение. В условиях формальной неопределённости политических санкций, их ситуативного характера, субъективного подхода к их применению именно способность (состояние) нарушителя становится решающим фактором. В частности, фактическое отсутствие негативного влияния на субъекта потенциальных мер ответственности будет означать отсутствие самой политической ответственности. Аналогичным образом следует вести речь и о субъекте, который должен применить к нарушителю санкции, добиться их отрицательного эффекта. В рамках юридической ответственности подобная взаимосвязь между субъектами возникших правоотношений в большинстве случаев отсутствует, что подтверждает тезис об их одностороннем характере.

Политическая ответственность в данном аспекте имеет несколько вариантов:

1) вертикальный, тождественный механизму наложения мер юридической ответственности в одностороннем порядке с учетом формальных и фактических условий;

2) горизонтальный, при взаимодействии обеих сторон отношений, возникших в результате политического нарушения;

3) смешанный, предусматривающий разный объем соотношения интересов сторон при решении вопроса о политических санкциях.

Таким образом, субъект политической ответственности характеризуется целым комплексом индивидуализирующих признаков на фоне внешне схожих субъективных условий привлечения к юридической ответственности. Прежде всего, его статус формируется независимо от формального признания государством или иным субъектом власти вследствие объективных обстоятельств, непосредственно влияющих на конструкцию охраняемых политической ответственностью отношений. По этой причине в качестве нарушителей политических норм могут выступать как субъекты права, так и иные лица, которые в юридическом плане не обладают правосубъектностью. Кроме того, среди субъектов политической ответственности могут оказаться лица, признаваемые со стороны закона субъектами определенных правоотношений, но не наделенные деликтоспособностью, что исключает применение к ним мер юридической ответственности. Однако в качестве общего признака субъектов политической и юридической ответственности следует выделять их фактическую возможность к реализации потенциальных мер негативного характера, поскольку в противном случае нивелируются цели, задачи и принципы всего института социальной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. - М., 1975. - 180 с.
2. Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. - Рязань: РВИШ МВД СССР, 1976. - 205 с.
3. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (Социологический и юридический аспекты). - Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985. - 142 с.
4. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. - М.: Изд-во МГУ, 1981. - 240 с.
5. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. -

Красноярск: Красноярский университет, 1985. – 120 с.
6. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / Под ред. Р.Л. Хачатурова. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 385 с.
7. Хачатуров Р.Л. Ответственность, безответственность, преступность // Право и политика. - 2006. - № 1. - С. 12-16/
8. Нисневич Ю.А. Политическая ответственность: институциональная постановка проблемы // Полис (Политические исследования). - 2013. - № 4. - С. 62-74.
9. Ковалев В.А. К вопросу о правонарушении как основании юридической ответственности // Актуальные проблемы российского права. - 2010. - № 3. - С. 27-36.
10. Липинский Д.А. Регулятивная функция

конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. - 2003. - № 4. - С. 21-24.
11. Гарипов Р.Ф. Классификация деликтоспособности // Учёные записки Российской Академии предпринимательства. – М. – 2009. – № 20. – С. 129-136.
12. Гарипов Р.Ф., Зазнаев О.И. Политическая ответственность главы региона в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13. № 2. С. 50-53.
13. Зазнаев О.И. Организация государственной власти в Республике Татарстан: проблемы и противоречия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6. № 2. С. 7-27.

CONCEPT OF THE SUBJECT OF THE LEGAL AND POLITICAL RESPONSIBILITY

© 2014

R.F. Garipov, candidate of jurisprudence, the senior teacher of faculty of political science
Kazan Federal university, Kazan (Russia)

Annotation: Scale transformations to modern political system complicate subjective conditions of the responsibility. Therefore it is necessary to investigate the common and specific properties of subjects of legal and political relations in a prism of their ability to the responsibility.

Keywords: the legal responsibility, the political responsibility, the subject of the law, actors of a public policy, ability to the responsibility.

УДК 340

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ВОИНСКОЙ И ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ПО СОВЕТСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ПРЕДВОЕННОГО ПЕРИОДА

© 2014

А.А. Гогин, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Аннотация: В данной публикации анализируются причины ужесточения мер юридической ответственности за нарушение воинской и трудовой дисциплины в период, предшествующий началу Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: государство, трудовая дисциплина, юридическая ответственность, закон, преступление, устав, труд, война, граждане, военнослужащие.

Несмотря на многочисленные исследования прошедших десятилетий, до сих пор не завершён полный, всесторонний анализ состояния советского законодательства последних предвоенных лет. К его оценке требуется подходить без излишних эмоций, ангажированности и политических спекуляций, в обязательном порядке учитывая международную обстановку и внутренние условия, в которых находилась наша страна.

Во многом именно они прямо диктовали необходимость введения жестких правовых мер, направленных на повышение уровня дисциплины во всех сферах социальной жизни, поскольку иного пути в то время просто не существовало.

Версальский мирный договор, завершивший мировую войну 1914-18 гг., кабальные ограничения, возложенные победителями на поверженную Германию, мировой экономической кризис, обострение социальных противоречий в западных странах, и, безусловно, возникновение первого в мире социалистического государства способствовали резкому усилению напряженности.

Приход 30 января 1933 года к власти А. Гитлера и его намерения не только восстановить положение Германии, как ведущей европейской державы, но и расширить «жизненное пространство» немецкой нации за счет покоренных народов еще более усилили опасность нового военного противостояния.

Первыми шагами нацистов по практическому осуществлению означенных идей явились последовательно проведенные действия в 1935-38 гг.: принятие закона о введении всеобщей воинской повинности, возвращение Саарского угольного бассейна,

милитаризация Рейнской области, присоединение (аншлюс) Австрии.

Затем, под предлогом защиты прав немецкого меньшинства гитлеровцы потребовали от Чехословакии возвращения Судетской области и других районов, ранее входивших в состав Германской империи. 30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась конференция глав правительств и министров иностранных дел Германии, Италии, Франции, Великобритании. На ней были удовлетворены указанные нацистские претензии. Чехословацкое правительство, не допущенное к участию в дебатах, безоговорочно выполнило все условия. В итоге страна лишилась 20% собственной территории, четверти населения и утратила почти половину предприятий тяжелой промышленности.

После возвращения из Мюнхена премьер-министры Великобритании и Франции Н. Чемберлен и Э. Даладье довели до сведения своих зарубежных посольств информацию о том, что «германская политика отныне ориентируется на борьбу с большевизмом. Германия проявляет свою волю к экспансии на Восток».

В августе 1939 г. СССР в очередной раз предложил Великобритании и Франции подписать военный договор, предусматривающий совместные действия в случае агрессии со стороны Германии, но их правительства сорвали попытки создания единого антифашистского блока в Европе. Ослепленные ненавистью к СССР они делали все для того, чтобы германская армия двинулась только в восточном направлении. «Западные демократии» отказывались от рассмотрения любых программ по созданию системы коллективной безопасности.

В создавшихся условиях Советскому Союзу